

Гизатуллина Альбина Камилевна

**ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ:
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКАХ**

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса татарского и французского языков. Подчеркивается, что инициальные эмоционально-экспрессивные предложения как в татарском, так и во французском языках служат для реализации категории эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне, создавая особую атмосферу доверительности, секретности или загадочности, что активизирует внимание реципиента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 55-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

COMPLEX ANALYSIS OF THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE TATAR PROSE: METHODOLOGY AND PRINCIPLES

Galieva Al'fiya Makarimovna, Ph. D. in Philosophy, Associate professor
Nagumanova El'vira Firdavil'evna, Ph. D. in Philology, Associate professor

Kazan Federal University
amgalieva@gmail.com; ehviran@yandex.ru

The article describes the complex methodology of studying the Russian translations of the Tatar prose both with allowances made for the large massive of corpus-based data and for the commitment to the revelation of linguo-cognitive mechanisms, linguoculturological and value (ethical and aesthetical) factors. The developed methodology of analysis of translations is aimed not just at the study of fragments of one or another work but also presupposes the consideration of the features of linguo-cultural and cognitive environment which emerges around the significant items of text and determines the sort of translational conversions.

Key words and phrases: translation; Tatar prose; concept; complex analysis; translational conversions.

УДК 801.37

Филологические науки

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса татарского и французского языков. Подчеркивается, что инициальные эмоционально-экспрессивные предложения как в татарском, так и во французском языках служат для реализации категории эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне, создавая особую атмосферу доверительности, секретности или загадочности, что активизирует внимание реципиента.

Ключевые слова и фразы: экспрессивный синтаксис; эмоционально-экспрессивные предложения; заинтересованность; эмоциональная оценка высказывания.

Гизатуллина Альбина Камилевна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Albina27.3@mail.ru

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ[®]

Современная лингвистика призвана решать задачи взаимопонимания между людьми во всех сферах жизни. Это неудивительно, ибо язык, наряду с психикой и мышлением, является важным чувственным атрибутом человека. Одна из целей говорящего – произвести впечатление на собеседника, заинтересовать его, завладеть его вниманием. Данную макроинтенцию можно семантизировать следующим образом: «хочу, чтобы тебе было интересно».

В соответствии с риторическим каноном основная нагрузка в реализации указанной цели ложится на начало речи. Уже в инициальной реплике говорящий стремится привлечь внимание собеседника к своей теме, заинтересовать его эмоционально и интеллектуально [3; 4]. Он должен убедить адресата в том, что предмет его речи достоин самого пристального внимания.

Для того, чтобы начало высказывания произвело необходимое впечатление, используются различные вербальные и невербальные средства: загадочный взгляд, заговорщицкий тон, преувеличение своей информированности и значимости темы сообщения. Еще Аристотель заметил, что люди внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному [2]. Добавим, что интерес слушателей вызывает все новое, необычное, загадочное и исключительное. Поэтому никого не оставляют равнодушными фразы: «А у меня для Вас сюрприз!» или «Только между нами!» Предполагаем, что жесты искренности и мимика удивления, озарения создают риторически важный образ рассказчика, увлеченного своей темой. Этот образ заразителен – состояние заинтересованности передается собеседнику.

Высказывания с предикатом «интересно», «забавно» можно рассматривать как разновидность обещаний. С самого начала говорящий заверяет слушателя, что тот получит интеллектуальное и эмоциональное удовольствие от общения, не будет скучать. Подобного рода эмоционально-экспрессивные предложения можно назвать «обещанием чувств, сильных эмоций». Разновидностью высказываний этой группы являются предложения, смысл которых сводится к обещанию рассказать что-то очень интересное: *Ой, что я вам (сейчас) расскажу-у...* Растяжение гласных, особая интонация незавершенности, гримасы загадочности, хитрости или игривости имеют цель заинтриговать слушателя. Они подогревают любопытство собеседника, заставляют

сконцентрировать внимание на том событии, о котором пойдет речь. Те же цели преследуют предложения с местоимениями «какой» – «такой»: *С таким человеком познакомилась!* Как известно, местоимения указывают на предметы и свойства, но не называют их. Они требуют продолжения, развертывания мысли и поэтому привлекают внимание слушателей.

Сильным, мобилизирующим внимание воздействием обладают высказывания со значением эксклюзивности: *Ты еще такого не видел (не слышал)!* Данное предложение тоже можно рассматривать как разновидность обещаний: адресата обещают сделать свидетелем неординарной, исключительной по своей занимательности истории. Обращает на себя внимание тот факт, что во многих случаях говорящий использует речевые ходы, преувеличивающие его информированность.

В основе речевых тактик, привлекающих внимание собеседника к предмету речи, лежат различные механизмы психологического воздействия. Они достаточно хорошо изучены социологами и психологами. Речь идет о заражении, внушении и подражании [1]. Под заражением понимается бессознательное восприятие образцов поведения:

Увлеченность

Кулга элэкканне ычкындырмыйм мин алай. – Батыр [5, б. 342]! / *То, что в руки попало, я так не упусти. – Батыр!* (Здесь и далее перевод автора – Г. А.)

Нинди матур симфония [6, б. 34]! / *Какая красивая симфония!*

Comme elle est. Impossible [7, р. 32]. / *Какая она. Невозможная.*

Ve! quelle belle fille! dans tout Paris on n'en trouverait pas la pareille [8, р. 54]! / *Ох! какая красивая девочка! Во всем Париже не найдешь такой!*

Заинтересованность

Нинди чибәр, – дип әйттеп куйды кайсысыдыр [6, б. 45]. / *Какая красивая, – сказал кто-то.*

Эх, чибәр дә соң!.. диде кемдер [5, б. 66]. / *Эх, и красивая же!.. – сказал кто-то.*

M'arrêter! Ce n'est pas si simple [7, р. 64]! / *Меня остановить! Но это не просто!*

O Monsieur, c'est moi qui suis la vraie Claudine... La vraie Claudine [8, р. 56]. / *О, господин, это я настоящая Клодин... Настоящая Клодин!*

Подражание представляет собой воспроизведение адресатом черт и образцов демонстрируемого поведения. Слушатель невольно копирует жесты и мимику увлеченного рассказчика. Оба механизма обычно активизируются в процессе стихийной передачи информации под влиянием эмоций. Этим заражение и подражание отличаются от методов целенаправленного вербального воздействия – от внушения и убеждения. Заражение и подражание – это воздействие на подсознание человека, в обход процессов когнитивной обработки информации. Оно осуществляется в основном через невербальный канал коммуникации. Невербальное поведение отправителя сообщения подспудно влияет на сознание слушателя и во многом определяет его отношение к предмету, к ситуации речи и к собеседнику.

Внушение

Чын кеше! Әнә сугышка ничек бара! Туйга барамыни [6, б. 76]. / *Настоящий человек! Вон как на войну идет! Словно на свадьбу.*

Вакчыл тәрә! Юньле булсаң, сине хатының ташлап китмәс иде [5, б. 87]. / *Мелочное существо! Был бы ты порядочным, жена бы тебя не бросила.*

Pauvres gens! Ils devaient se demander si nous reviendrions jamais [7, р. 84]. / *Бедные люди! Они должны были себя спросить: «а если мы не вернемся никогда».*

Hé, erreur! C'est moi, la victime [8, р. 82]! / *Эх, ошибка! Это я, жертва!*

Убеждения

Кыланчык! Мактанчык [6, б. 124]! / *Кривляка! Хвастунишка!*

Нинди яшь малайны харап иткәннәр [Там же, б. 102]. / *Какого маленького мальчика погубили!*

Vous ne savez pas comment s'est conclu ce mariage!.. s'écria Grevel. Ah! maudite vie de garçon [7, р. 83]! / *Вы не знаете, как заключился этот брак!.. вскрикнул Гревель. Ах! Проклятая жизнь холостяка!*

Me sentir seul? Mais quelle horreur [8, р. 732]! / *Мне чувствовать себя одиноким? Но какой ужас!*

Анализ материала показывает, что чаще всего в спонтанной речи функцию инициальной реплики исполняют эмоционально-экспрессивные предложения. С их помощью говорящий с самого начала навязывает свою интерпретацию событий как интересных, важных, нужных, удивительных.

Инициальные эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках вызывают любопытство адресата – ему интересно узнать, какое событие вызвало столь сильную эмоциональную реакцию говорящего, что является основанием для эмоциональной оценки. Причем аргументация должна быть достаточно убедительной, для того чтобы оправдались ожидания собеседника, чтобы его интерес к сообщению не угас, а поведение не разочаровало. Если же основание оценки непонятно, то в речевом поведении адресата появятся сигналы *раздражения*: «Ну и что?»

Раздражение

Кайчан?! Кичә?! Ну, маңка малай! [5, б. 63]! / *Когда?! Вчера?! Ну, сопливый мальчишка!*

Хурлыгы ни тора!.. Ах, жүләр, жүләр [Там же, б. 99]! / *Позор что стоит! Ах, дурак, дурак!*

Mais c'est une mangeuse d'hommes, cette Élodie! Une dévorante! Une cannibale! Elle ne m'a rien laissé [7, р. 64]! / *Но это людоед, эта Элодин! Всепоежирающая! Людоед! Она не оставила мне ничего!*

Grosse bête! Ce n'est plus le grenier de tante Judith [8, р. 57]. / *Большой зверь! Это уже не чердак тети Джудит.*

Усталость

Татьяна Родионовна тыныч кала алмады: – Эх, бу яшьлек [5, б. 54]! / Татьяна Родионовна не могла оставаться спокойной: – Эх, эта молодость!

Опытканмын! Опытканмын шул, доктор! – диде Баһау [6, б. 64]. / Забыла! Забыла вот, доктор! – сказала Баһау.

Vous avez apporté des vêtements du soir?.. Oh! Ces hommes riches [7, р. 27]!.. / Вы принесли вечерний костюм? О! Эти богатые люди!

Ce pauvre Franz! Personne ne peut l'encadrer [8, р. 58]! / Этот бедный Франц! Никто не может его успокоить!

Скука

Аны тәрмәдән коткару турында баш ватып уйланалар... Нинди мескенлек! Нинди фажига [6, б. 20]! / Они голову ломают, как его из тюрьмы освободить... Какая жалость! Какая трагедия!

Карчык каенана урыныннан ук кузгалды, идэнгә тәкереп җибәрде: – Тфу, бу оятсыз нәрсә [5, б. 72]! / Сквозь вскочила с места, плюнула на пол: – Тфу, этот бессовестный!

Cette question! Inquiétante même [7, р. 22]. / Этот вопрос! Волнующий даже.

Une telle évidence! Personne, à ce qu'il me semble, n' y a jamais pensé [Ibidem, р. 77]. / Так очевидно! Никто, как мне кажется, об этом никогда и не думал.

Эмоционально-экспрессивное высказывание в интродуктивной позиции ставит перед говорящим еще одну проблему – чем завершить свою реплику. Большинство коммуникантов выбирает кольцевую композицию, то есть начинает и завершает свое сообщение оценочным высказыванием: – Там Х замечательно играл / я от него без ума /. Позитивная оценка высказывания дважды – в начале и конце сообщения. В центре внимания оказывается не событие, а отношение к нему говорящего. В ситуации неофициального, спонтанного общения такое композиционное и содержательное решение приемлемо. Обмен мнениями, впечатлениями имеет в непринужденном общении первостепенное значение. Иное дело – беседа с малознакомыми людьми, официальный диалог. В этом случае оценка, мнение должны быть четко аргументированы. Успешное достижение перлокутивного эффекта эмоционально-экспрессивными интродуктивными высказываниями во всех сферах общения определяется отношением аудитории к оратору: вызывает ли он доверие, насколько он искренен, объективен в своих оценках. Если говорящий известен как легковозбудимая, эмоциональная личность, то интродуктивное эмоционально-экспрессивное высказывание в его устах вызовет меньше доверия, интереса, чем тот же речевой ход в речи человека уравновешенного, спокойного.

Доверие

Аһа, никадәр көч! - дип эченән куанып куйды Садыков [5, б. 55]. / Ого, сколько сил! – сказав, внутренне обрадовался Садыков

Нинди рәхәтлек, нинди җиңеллек [6, б. 89]! / Как хорошо, как свободно!

O mon Dieu, quelle histoire [7, р. 89]!.. / О, Боже мой, какая история!..

Ah! quelle femme! dit Guillaume à Roy. C'est une merveille [8, р. 90]. / Ах! какая женщина! сказал Гийом Рюю.

Интерес

Ну, тамле катык! Әниң оеткандыр аны [6, б. 84]. / Ну, вкусный катык! Мама, наверное, его приготовила.

Әйбәт кыз ич [Там же, б. 34]! / Хорошая девушка же!

Quel temps! Je suis trempée [8, р. 89]! / Какая погода! Я дрожу!

Elle le regarda d'un air étonné et ravi. – Quelle merveille! s'exclama-t-elle [Ibidem, р. 782]. / Она посмотрела на него удивленным и радостным взглядом. – Какая прелесть! – вскрикнула она.

Эмоционально-экспрессивные предложения сразу же выдают пристрастное отношение субъекта речи к описываемым событиям, что не во всех случаях воспринимается позитивно. Даже в непринужденном диалоге говорящий обязан аргументировать свою эмоциональную реакцию, иначе он не оправдает ожидания собеседника и интерес к общению снизится или вовсе угаснет.

Как видим, эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках в инициальной позиции – самый распространенный, но не самый удачный речевой ход для привлечения внимания реципиента. Более продуктивной представляется тактика безоценочного описания событий – *наглядно-образного, живописного*, благодаря которому адресат получит полное представление о предмете речи и об отношении к нему говорящего. Такой подход стимулирует умственную и эмоциональную активность собеседника, естественным образом поддерживает его интерес к беседе:

Наглядно-образное, живописное описание событий

Менә сиңа булыр бу полный набор! һи, шалкан бәясе [5, б. 87]! / Вот будет тебе полный набор! Хи, цена репы!

Чүпрәк баиш! Әй хәтле әйне хәерче сәвиткә биреп, коры калыргамы [6, б. 53]? / Тряпичная голова! Дом бедным советам отдать, ни с чем остаться?

Agathe est femme - oh, que femme elle est [8, р. 683]. / Агата – женщина, о, какая она женщина!

S'il avait pu lire dans le coeur d'Adeline [7, р. 75]! / Если бы он мог читать в сердце Аделины!

Инициальные эмоционально-экспрессивные предложения в татарском и французском языках – только часть средств, с помощью которых субъект речи стремится завладеть вниманием собеседника. Невербальные сигналы делятся на три группы: первая символизирует возникновение интереса, вторая – его поддержание, третья обозначает реакции на ошеломляющее известие. Если ему это удастся, то сигналом успешности речевого

взаимодействия становится одна из перечисленных реакций адресата: в первую очередь речь идет об установлении и поддержании стойкого визуального контакта. Каким способом можно поддержать интерес собеседника? Говорящему достаточно подметить что-либо выходящее из рамок обыденного и вербализовать это.

Итак, инициальные эмоционально-экспрессивные предложения как в татарском, так и во французском языках играют важную роль в реализации экспрессивной интенции «Хочу, чтобы тебе было интересно». Их цель – привлечь внимание собеседника к теме общения, представить ее как интересную, занимательную. Сам облик человека, увлеченно рассказывающего нечто новое, активизирует внимание реципиента. Инициальные предложения рассматриваемого типа обещают интересное *времяпрепровождение*, возможность получить *свежую, актуальную, эксклюзивную* информацию о необычном событии.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 376 с.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М.: Изд-во МГУ, 1978.
3. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
4. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4.
5. Хәким З. Гәнаһ: роман // Сайланма эсәрләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1997. Т. I. 399 б.
6. Хәким З. Әч аяклы ат: повесть. Казан: Тат. кит. нәшр., 1998. 143 б.
7. Fernandez D. L'école du sud. Paris: Bernard Grosset, 1991. 438 p.
8. Fleutiaux P. Nous sommes éternels. France: Gallimard, 1990. 822 p.

CONCERNMENT AS ONE OF FORMS OF EXPRESSIVENESS: EXPRESSIVE SENTENCES IN THE TATAR AND FRENCH LANGUAGES

Gizatullina Al'bina Kamilevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Albina27.3@mail.ru

The article reveals the features of realizing expressive syntax in the Tatar and French languages. It's stated that initial expressive sentences both in the Tatar and French languages are intended to realize the emotional expressiveness category on the level of syntax making a special atmosphere of confidence, secrecy or mystery that helps to activate the recipient's attention.

Key words and phrase: expressive syntax; expressive sentences; concernment; affective evaluation of utterance.

УДК 81-119

Филологические науки

Статья выполнена в рамках актуального на сегодняшний день направления аксиологически ориентированной лингвистики. Рассматривается понятие чести, являющее собой ценность для англоязычного мира. Честь как ценностное понятие изучается в динамике на примере средневековой культуры в рамках рыцарского кода поведения и современной английской лингвокультуры. Представлены результаты проанализированных текстов художественной литературы, статей интернет-сайтов, анкетирования среди носителей английской лингвокультуры; выделены основные признаки понятия чести.

Ключевые слова и фразы: аксиологическая лингвистика; ценности; ценностная картина мира; концепт; честь.

Голодова Елизавета Юрьевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
e_golodova@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ ЧЕСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ И СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[©]

Объектом нашего изучения является динамика ценностей англоязычного мира от эпохи Средневековья до наших дней. Данная статья посвящена рассмотрению одной из рыцарских ценностей – чести (honour). Совокупность ценностей – высших ориентиров поведения – образует ценностную картину мира, лежащую в основе культуры. Единицами картины мира являются лингвокультурные концепты – «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые фрагменты опыта... Характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [2, с. 27].